

Лашкарев Петр Александрович

**Право церковное в его основах,
видах и источниках**

Из чтений по церковному праву

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Александрович Л.**
Право церковное в его основах, видах и источниках: Из чтений по церковному праву /
Лашкарев Петр Александрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 228 с.

ISBN 978-5-519-92602-7

ISBN 978-5-519-92602-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСТУПЛЕНІЕ

Отличительную черту права нашей Православной Греко-восточной церкви составляет глубокая христіанская и общечеловѣческая древность его основъ. Періодъ образованія положительнаго религіознаго, или собственно-каноническаго права нашей церкви, это такъ называемый—періодъ вселенскихъ соборовъ, открывшійся признаніемъ за христіанствомъ правъ религіи государственной въ имперіи Греко-римской при Константинѣ В. и закончившійся эпохою раздѣленія церквей. Послѣдній соборъ, постановленія котораго вошли въ кодексъ каноновъ Православной церкви, собирався въ 879 году, т. е. тысячу съ небольшимъ лѣтъ назадъ. Тотъ же самый періодъ былъ періодомъ образованія и основнаго церковно-гражданскаго права нашей церкви. За исключеніемъ двухъ новеллъ императора Алексѣя Комнена, касающихся впрочемъ частнаго примѣненія прежде изданныхъ законовъ, въ гражданской части нашей Кормчей самымъ позднѣйшимъ по времени обнародованія своего законодательнымъ документомъ представляется Прохировъ Василия Македонянина, вышедшій между 870 и 878 годами. Если же вникнуть въ исторію самаго образованія права, нельзя не признать, что соборы позднѣйшіе обыкновенно только подтверждали и разъясняли, и лишь отчасти пополняли, постановленія соборовъ древнѣйшихъ; а соборы древнѣйшіе переводили въ законы положительные уже существовавшія

преданія и обычаи отцовъ. Равнымъ образомъ и законы государей христіанскихъ по большей части не создавали для церкви и христіанства такихъ правъ, какихъ не имѣли бы религіи древнія, а ограничивались пересмотромъ и примѣненіемъ къ христіанству и церкви законовъ древнѣйшихъ, и притомъ такъ, что пересмотръ этотъ, за самыми незначительными исключеніями, окончился еще эпохою императора Юстиніана. Составившіеся въ эту эпоху или вслѣдъ за нею номоканоны (Іоанна Схоластика и въ XIV титуловъ, впоследствии—Фотіевскій) представляютъ право церковное образовавшимся уже въ такой полнотѣ и относительной законченности, что устраняютъ на послѣдующее время почти вовсе потребность для Православной церкви въ новой модификаціи ея законовъ.

Съ точки зрѣнія религіозной подобная особенность права церкви Православной можетъ говорить только въ пользу ея. Древность вообще приличествуетъ религіи. „Древніе догматы, говоритъ одинъ изъ великихъ отцовъ христіанской церкви, какъ-то особымъ образомъ внушаютъ благоговѣніе, представляя въ своей древности, какъ бы въ нѣкоей сѣдинѣ, досточтимый видъ“¹⁾. Это такъ естественно, что у народовъ, жившихъ религіознымъ чувствомъ, древность почти отождествлялась съ религіею, и святость институтовъ религіозныхъ ставилась въ прямую зависимость отъ ихъ старины. Въ примѣненіи же частіе къ христіанству, чѣмъ древнѣе тѣ или иные его преданія, обычаи, установленія, тѣмъ выше ихъ религіозный авторитетъ, потому что тѣмъ ближе они къ источнику христіанской истины. Для церкви христіанской это принципъ, предъ которымъ преклонялась она съ глубокой своей древности. Тотъ же св. отецъ, воспроизводя образъ древняго христіанскаго епископа, жившаго въ половинѣ IV вѣка и по мнѣнію древней церкви наиболѣе приближавшагося къ идеалу истинно-

¹⁾ Василія В. пр. 92.

христіанскаго епископа, описываетъ его такъ: Онъ былъ „стражемъ отеческихъ постановленій, врагомъ новизны (въ религіи), изображавшимъ въ себѣ самомъ видъ древней церкви, приводившимъ ввѣренную ему церковь къ древнему состоянію, какъ бы къ нѣкому священному образу; такъ что жившіе съ нимъ казались какъ бы жившими съ тѣми, которые за двѣсти и болѣе лѣтъ блистали на подобіе свѣтильниковъ. Поэтому оный мужъ не выдавалъ отъ себя ничего, никакаго изобрѣтенія ума; но, по благословенію Моисея, умѣлъ износить изъ тайнъ своего сердца, изъ добрыхъ т. е. сокровищницъ, *ветхая ветхихъ и ветхая предъ лицомъ новыхъ* (Лев. XXVI. 10). Поэтому въ собраніяхъ епископскихъ онъ удостоивался перваго мѣста не по возрасту, а потому, что былъ выше всѣхъ архаизмомъ мудрости (τῷ τῆς σοφίας ἀρχαίῳ), удерживая первенство въ общемъ мнѣніи“¹⁾.

Возвышая религіозное значеніе права нашей Православной церкви, архаизмъ этого права не набрасываетъ тѣни и на его ученое достоинство. По справедливому замѣчанію Тертулліана, Христосъ не безсмысленныхъ и еще дикихъ людей приводилъ къ человѣчности, а просвѣтилъ познаніемъ истины людей уже цивилизованныхъ и плѣнившихся гражданственностію²⁾. Первые три вѣка христіанской эры, какъ извѣстно, были вѣками высшаго развитія культуры права у римлянъ. Относительный упадокъ ея замѣчается къ концу этого періода, послѣ смерти Александра Севера, но только—относительный. Не появлялось болѣе такихъ знаменитыхъ правовѣдовъ, какъ въ прежнее время; тѣмъ не менѣе результаты, добытые предшествовавшею обработкою права, продолжали сохранять свою силу, и юриспруденція получила новую культурную почву чрезъ введеніе преподаванія ея въ школахъ, возникшихъ въ разныхъ мѣстахъ имперіи,

¹⁾ Basil. Epist. XXVIII. al. 62.

²⁾ Apolog. XXI.

особенно—на востокъ. Изъ этихъ школъ выходили государственные люди послѣдующаго періода, въ особенности знаменитые кодификаторы римскаго права, придавшіе этому періоду особое значеніе. Изъ этихъ же школъ вышли и многіе изъ наиболѣе знаменитыхъ отцовъ и учителей христіанской церкви того времени.

Былъ ли знаменитый апологетъ христіанства конца II и начала III вѣка, Тертулліанъ, одно и то же лицо съ Тертулліаномъ—юриспрудентомъ, отрывки изъ сочиненій котораго читаются въ Дигестахъ Юстиніановскихъ, оставляемъ вопросомъ открытымъ. Но достаточно вчитаться въ его Апологію и другіе трактаты, чтобы вмѣстѣ съ Евсевіемъ признать въ этомъ древнѣйшемъ писателѣ церковномъ глубокаго знатока права. Въ III вѣкѣ, когда, по свидѣтельству Арнобія, въ рядахъ христіанъ были и ораторы, и грамматика, и риторы, и юрисконсульты, и медики, и философы¹⁾, глубокимъ юридическимъ образованіемъ выдѣляется св. Григорій Неокесарійскій, одинъ изъ первыхъ по времени отцовъ, правила которыхъ вошли впоследствии въ кодексъ каноновъ Православной церкви. Изъ отцовъ, юристовъ по образованію, IV вѣка достаточно упомянуть имена Василя В., Амвросія Медиоланскаго, Іоанна Златоуста, чтобы дать понятіе о томъ представительствѣ, какое имѣла юриспруденція въ рядахъ тогдашней іерархіи церковной; хотя вообще представительство это упомянутыми отцами далеко не ограничивалось. О Василю В. и Іоаннѣ Златоустѣ прямо извѣстно, что они готовили себя къ званію адвокатовъ, а Амвросій Медиоланскій избранъ въ епископы изъ префектовъ. Но время ихъ не было временемъ нашей спеціализаціи наукъ. Полное научное образованіе тогда обнимало всѣ такъ называемыя свободныя науки, и изучавшій краснорѣчіе, напр., изучалъ и право, какъ предметъ краснорѣчія судебного. Такъ изъ отцевъ III вѣка

¹⁾ Advers. Gentes, II. 5.

изучалъ право Кипріанъ, изъ отцевъ IV—V вѣка—блаженный Августинъ, и пр. Нечего и говорить, что собственно канонисты церковные того періода были прежде всего учеными юристами. Таковъ знаменитый современникъ Юстиніана, Іоаннъ Схоластикъ патріархъ константинопольскій; таковъ еще болѣе знаменитый въ послѣдствіи константинопольскій же патріархъ Фотій.

Но не отнимая ничего у достоинства религіознаго и ученаго, древность права церкви Православной представляетъ въ немъ весьма важныя особенности свойства соціально-политическаго. Упреки въ неподвижности, въ отсутствіи жизненности, въ несоотвѣтствіи духу времени, расточаемые по адресу церкви Православной католичествомъ и протестантствомъ, въ значительной мѣрѣ условливаются именно этою стороною ея права. Дѣйствительно, не одно только время, счисляемое вѣками, отдѣляетъ насъ отъ періода образованія права церкви Православной: отдѣляютъ насъ отъ него измѣнившіяся условія и запросы человѣческой жизни, а особенно—разность въ цѣляхъ и задачахъ законодателей, разность въ воззрѣніяхъ и принципахъ самой науки.

Почва, впрочемъ, на которой образовалось право нашей церкви, или тѣ условія и запросы жизни, на которые оно отвѣчало, хотя и представляетъ извѣстныя разности сравнительно съ почвою, на которой мы живемъ, или тѣми условіями и запросами жизни, на которые отвѣчаетъ современное намъ право, но разности—далеко не столь существеннаго свойства, какими онѣ могутъ казаться. Человѣкъ всегда остается человѣкомъ, при какихъ бы историческихъ условіяхъ ни проводилъ онъ свою жизнь. Есть явленія жизни соціальной, повторяющіяся съ замѣчательною тождественностію въ общемъ, хотя и отличающіяся нѣкоторыми особенностями въ мелочныхъ частностяхъ. Право церкви Православной, насколько обращено оно къ условіямъ и запросамъ исторической жизни человѣчества, по большей

части и имѣть дѣло именно съ такими явленіями соціальной жизни. Гораздо важнѣе та разность, какая дается особыми началами, лежащими въ основѣ этого права. Не подлежитъ сомнѣнію, что право нашей церкви, образовавшееся на почвѣ греко-римской и отчасти, пожалуй, византійской, есть продуктъ такъ называемой цивилизаціи античной, рѣзко отличающейся отъ современной намъ цивилизаціи народовъ европейскихъ.

Въ отличіе отъ законодательствъ новѣйшаго времени, древніе законодатели вообще не ограничивали цѣлей законодательныхъ одною формальною юстиціею. Цивилизація античная не отдѣляла политики отъ морали. Она предоставляла государству всего человѣка, требуя отъ него какъ защиты естественныхъ правъ человѣка, такъ особенно его нравственнаго и политическаго воспитанія. Лучшимъ образцомъ подобныхъ воззрѣній служить сочиненіе Платона „о Законахъ“, — прямая инструкція древнему законодателю. „Существенная черта политики Платона, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ его комментаторовъ, та, что она нераздѣльна съ моралью. Въ этомъ ея заслуга и вмѣстѣ недостатокъ. Его воззрѣнія поразительны, истинны, величественны, и имѣютъ значеніе для всѣхъ временъ, какъ совѣсть и добродѣтель, со всею своею строгостію неподкупною и аскетизмомъ, проникающимъ до подробностей, которыя напоминаютъ отличительныя черты эпохи, ушедшей навсегда. Новѣйшая цивилизація оставляетъ государству только то, чего не можетъ отнять у него безъ ущерба общественному порядку; цивилизація античная предоставляла государству все, что въ человѣкѣ есть и мыслится. Одна можетъ-быть уже до крайности отдѣляетъ политику отъ морали; другая быть-можетъ уже недостаточно различаетъ ихъ. Востокъ по необходимости смѣшивалъ ихъ въ деспотическомъ единствѣ, поглощавшемъ все; Греція, долженствовавшая выдѣлить все, чтобы все освободить и начать эру свободы, — Греція своею колыбелью была еще свя-

зана съ востокомъ, отъ котораго веда свое начало; а къ этой-то Греціи первыхъ вѣковъ Платонъ и обращаетъ постоянно свои взоры. Онъ стоитъ въ отношеніи къ ней чрезъ посредство школы Пифагорейской, которой политика всецѣло моральная; Сократъ, его учитель, всю жизнь призывалъ къ добродѣтели политиковъ его времени; и самъ онъ, если смотрѣть съ самой общей точки зрѣнія, прежде всего великій моралистъ¹⁾. Оставляя вопросъ о заслугахъ и недостаткахъ политики Платона, о крайностяхъ одной и другой цивилизаціи, и т. д., открытымъ, подлежащимъ рѣшенію будущихъ вѣковъ и опытовъ человѣческой исторіи, замѣтимъ, что и Римъ, не связанный такъ ясно, какъ Греція, своею колыбелью съ востокомъ, держался не иныхъ воззрѣній въ своей внутренней политикѣ, и проводилъ ихъ даже съ большею послѣдовательностью, чѣмъ республики греческія. Въ сочиненіяхъ Цицерона „о Законахъ“, „о Республикѣ“, и другихъ, мы встрѣчаемся съ тою же нераздѣльною отъ морали политикою, какъ и у Платона, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что Цицеронъ болѣе, чѣмъ Платонъ, держится на почвѣ современнаго ему, дѣйствовавшаго римскаго законодательства, и сколько обращаетъ взоры къ прошедшему, столько же устремляетъ ихъ и въ будущее, и законы свои рекомендуетъ не такимъ маленькимъ греческимъ республикамъ, какъ Платонъ, а всѣмъ народамъ добрымъ и мужественнымъ.

Эта особенность древней политики облегчила въ свое время успѣхи христіанству. Возникнувъ въ Іудеѣ и распространяясь оттуда по римскимъ провинціямъ, христіанство долго находило для себя защиту и покровительство въ морально-политическихъ воззрѣніяхъ римскихъ государей, на судъ которыхъ передавало свое дѣло, когда вызывало преслѣдованія противъ себя со стороны населенія провинцій. Эта же особенность дала за тѣмъ и торжество хри-

¹⁾ Cousin. Oeuvres de Platon, tom. VII, Argument.

стіанству въ лицѣ и законахъ императора Константина В., и организовала то право, съ которымъ христіанская церковь должна была войти въ историческую жизнь новыхъ народовъ и съ которымъ она дѣйствительно вошла въ жизнь народа русскаго.

Было бы слишкомъ долго входить въ подробное разсмотрѣніе того, насколько отношенія государей римскихъ къ христіанству до Константина В., а особенно законодательная дѣятельность по предметамъ вѣры и церкви христіанской самаго Константина и его преемниковъ, соотвѣтствовали инструкціи Платона древнимъ законодателямъ. Достаточно замѣтить, что апологеты христіанства обращались къ государямъ какъ именно къ философамъ въ политикѣ, а христіанскіе государи—законодатели мотивировали иногда свои законы почти буквально выраженіями Платона. Что же касается соотвѣтствія тѣмъ возрѣніямъ самаго права церковнаго, какъ оно сложилось уже къ началу V вѣка, то на этотъ счетъ достаточно припомнить нѣсколько словъ блаженнаго Августина къ изычнику, употребившему въ перепискѣ съ нимъ фразу изъ Цицерона о любви къ отечеству. „Вчитайся, говоритъ онъ, въ эти самыя книги о Республикѣ, изъ которыхъ ты почерпнулъ свою мысль.. Вчитайся, прошу тебя, и обрати вниманіе на то, какими похвалами обставляется тамъ умѣренность и воздержаніе, вѣрность къ супружескому союзу, чистые, честные и добрые нравы, которыми отличающееся государство можетъ быть по справедливости названо цвѣтущимъ. Эти вѣдь самыя нравы преподаются и изучаются, какъ бы въ священныхъ аудиторіяхъ народовъ, въ церквахъ, по всему міру вырастающихъ“ ¹⁾).

Само по себѣ христіанство менѣе всего было ученіемъ политическимъ. Никакихъ законовъ свойства политическаго І. Христосъ не давалъ; никакихъ теорій такого же свойства

¹⁾ August. Epist. XCI (al. 209), n. 3.

Онъ не проводилъ. Въ божественную миссію Его не входило переустройство установившагося исторически гражданского порядка человѣческой жизни, или указаніе законодателямъ народовъ какихъ-либо новыхъ политическихъ цѣлей и задачъ. Не христіанство, а нашествіе готовъ и вандаловъ на западную половину древней имперіи Греко-римской, разрушеніе тамъ этой имперіи и основаніе на развалинахъ ея новыхъ государствъ, положили начало новой цивилизаціи, отличающей политику отъ морали. Варварство ли народовъ, неумудренныхъ историческими опытами жизни разумно-соціальной; развившіяся ли къ тому времени властолюбивыя притязанія римскихъ епископовъ на исключительное господство въ сферѣ морально-политическаго воспитанія народовъ, дѣйствительно не отличавшихся этимъ воспитаніемъ, были тому причиною,—мы въ данномъ случаѣ разбирать не будемъ. Отмѣтимъ только историческій фактъ: западная церковь съ Римомъ во главѣ является впервые усвоившею себѣ съ исключительностію морально-политическое воспитаніе народовъ, а государства, образовавшіяся на развалинахъ Западно-римской имперіи,—исключительно юстицію формальную. Неестественность такого раздѣла сказалась впоследствии протестантствомъ; но разъ порванныя связи съ міромъ античнымъ протестантство восстановить не успѣло: потому что, отвергая католичество, отвергло вмѣстѣ съ нимъ и то право, которое католичество вынесло изъ античнаго міра, хотя и дало ему впоследствии не соответствующее античной мудрости развитіе. Приведенный выше комментаторъ Платона имѣлъ по этому основанію видѣть въ воззрѣніяхъ древняго философа „черты эпохи, ушедшей невозвратно“.

Но ушедшая невозвратно для запада, эпоха эта можетъ не казаться такою для насъ. Продолжившееся на цѣлое тысячелѣтіе по паденіи Рима существованіе восточной половины имперіи Греко-римской, подъ видомъ имперіи Византийской, продолжило на востокѣ на цѣлое тысячелѣтіе же

господство античныхъ законодательныхъ традицій. Возникновеніе между тѣмъ государства Русскаго подѣ цивилизующимъ вліяніемъ Византіи обезпечило для тѣхъ традицій дальнѣйшую почву. Въ то время, когда Византія, или второй Римъ, какъ называли ее вслѣдъ за греками наши предки, падала подѣ ударами безбожныхъ агарянъ, уже стоялъ третій Римъ, какъ называли свою Москву они же, справедливо гордась ея духовно-политическимъ родствомъ. Никакого раздѣла между церковію и государствомъ у нашихъ предковъ не произошло. Отношенія между этими институтами на почвѣ русской остались тѣ же, какія существовали съ первыхъ временъ христіанства на почвѣ греко-римской и византійской. Изъ всѣхъ народовъ новаго міра народъ русскій остался наиболѣе вѣрнымъ государственнымъ принципамъ міра античнаго; и если право нашей Православной церкви представляется намъ чѣмъ-то отдѣленнымъ отъ современной русской жизни кромѣ времени своего образованія, то это зависитъ прежде всего и главнымъ образомъ отъ разности въ воззрѣніяхъ и принципахъ современной науки сравнительно съ древнею наукою права.

Не считаемъ себя въ правѣ входить въ разсужденія о примѣнимости или непримѣнимости современныхъ принциповъ юстиціи формальной къ другимъ отраслямъ дѣйствующаго права народа русскаго. Но непримѣнимость ихъ къ той отрасли этого права, каковую представляетъ собою право церкви Православной, ясна сама собою. Какъ извѣстно, наука права, имѣя дѣло съ законами права, не влагасть свои начала въ данный матеріалъ, а извлекаетъ ихъ изъ самыхъ законовъ. Только при этомъ условіи она вноситъ свѣтъ въ изучаемую ею область фактовъ. Примѣненіе къ нашей церковной юстиціи принциповъ юстиціи формальной можетъ быть, и бываетъ, только въ обходъ тѣхъ трудностей, какія неизбѣжно соединяются съ самостоятельнымъ изученіемъ предмета. Мало пользы, а много вреда приносить примѣненіе къ праву нашей церкви и излюбленныхъ теорій ка-